

Родина Мария Вячеславовна

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ МИФ В СТРУКТУРЕ "ХРОНИК НАРНИИ" К. С. ЛЬЮИСА: С ЛЮБОВЬЮ О КНИГЕ ЛЮБВИ

Статья посвящена исследованию евангельского мифа в структуре фантастического цикла К. С. Льюиса "Хроники Нарнии" и его влияния на формирование глубинного смысла данного цикла повестей. Сравнивая и сопоставляя различные евангельские сюжеты и тексты "Хроник Нарнии", автор статьи выявляет целый ряд соответствующих параллелей, проявляющихся, в частности, на сюжетном уровне. И как главной фигурой евангельского мифа выступает личность Иисуса Христа, так и центральным образом нарнийского цикла является именно образ Льва Аслана, глубинное "родство" которого с фигурой Спасителя проявляется посредством характерных черт, которыми писатель наделяет создателя Нарнии и которые отсылают всё к тому же евангельскому первоисточнику.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 1. С. 10-13. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 8

Статья посвящена исследованию евангельского мифа в структуре фантастического цикла К. С. Льюиса «Хроники Нарнии» и его влияния на формирование глубинного смысла данного цикла повестей. Сравнивая и сопоставляя различные евангельские сюжеты и тексты «Хроник Нарнии», автор статьи выявляет целый ряд соответствующих параллелей, проявляющихся, в частности, на сюжетном уровне. И как главной фигурой евангельского мифа выступает личность Иисуса Христа, так и центральным образом нарнийского цикла является именно образ Льва Аслана, глубинное «родство» которого с фигурой Спасителя проявляется посредством характерных черт, которыми писатель наделяет создателя Нарнии и которые отсылают всё к тому же евангельскому первоисточнику.

Ключевые слова и фразы: евангельские сюжеты; языческий миф; нарнийский цикл; чудо; христианский идеал; кенозис.

Родина Мария Вячеславовна

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
marija.marianna1987@yandex.ru*

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ МИФ В СТРУКТУРЕ «ХРОНИК НАРНИИ» К. С. ЛЬЮИСА: С ЛЮБОВЬЮ О КНИГЕ ЛЮБВИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований («Поэтика мифа в цикле сказочных повестей К. С. Льюиса «Хроники Нарнии»: проблема художественной функциональности»), проект № 14-34-01009.

Как известно, К. С. Льюис писал свои книги преимущественно для тех, кто в детстве изучал «Закон Божий» в школе. В этом, несомненно, было своё преимущество, равно как и своя опасность. С одной стороны, раннее знакомство с библейскими сюжетами давало возможность улавливать с полуслова соответствующие аллюзии и намеки, однако оно же «слишком часто потворствовало укреплению худшего вида неверия – то есть той сухой и рассудочной полуверы, которая тем надежнее заслоняет совесть от укоров Евангелия, чем тверже вызубрила библейские тексты» [2, с. 493]. Понимая, что в этом случае нельзя быть слишком навязчивым в проповеди христианских идеалов и осознавая, что современный мир – мир, «который боится всякого слова о Боге, которому уже “плешь проели” повторением имени Христа; который склонен затыкать уши, слушая любую проповедь, заведомо почитая ее пошлостью» [1, с. 8], Льюис, как и его близкий друг Толкин, пишет свои сказки о Нарнии, в которых на совершенно особом языке говорит о встрече человека с Богом и отношениях с Ним, пробуждая в душе читателя отклик той Радости, о которой свидетельствует Св. Писание. Можно сказать, что «Хроники...» поистине «написаны с любовью о Книге Любви – о Евангелии» [2, с. 493]. Это объясняет, почему, повествуя о приключениях своих любимых персонажей в волшебной стране, писатель так часто обращается именно к евангельской истории, истории, в которой так много радости, свободы и чудес – «прекрасных и трогательных, “мифических” в своей совершенной, законченной значимости» [8, с. 211] и которая «превыше всех прочих обладает “внутренней логичностью реальности”. Нет и не было такого сказания, в которое люди так стремились бы поверить; нет другой такой повести, что столько скептиков признали бы истиной в силу её собственных достоинств. Ибо её искусство обладает высшей убедительностью Первичного Искусства, то есть Творения. Отвергая эту повесть, приходишь либо к унынию, либо к гневу» [Там же]. Именно так характеризует Евангелие Толкин. Что же касается самого Льюиса, то он называл его не иначе как «мифом, созданным Богом», который «воздействует на нас таким же образом, как и другие мифы, но только с той огромной разницей, что описанное в нем случилось на самом деле» [10, р. 80]. Задача слушающего – «принять этот миф, как он принимает и другие мифы, с одной лишь разницей, что христианство – это Божий миф, а остальные мифы – это произведение человека. Языческие истории – это познание Бога посредством умозаключений поэтов, которые использовали свои мифологемы относительно Него. Христианство – это тоже познание Бога, но только посредством того, что мы называем “настоящими вещами”» [Ibidem]. Исходя из сказанного, рассмотрим, как функционирует евангельский миф о Христе в льюисовском цикле.

Хотя писатель и не ставит перед собой задачи пересказать Евангелие, именно его духом проникнуто всё семикнижие, и на уровне сюжета мы видим ряд эпизодов, которые отсылают именно к евангельскому первоисточнику.

1) В «Племяннике чародея» и в «Серебряном кресле» мы видим Льва плачущим: так, Аслан оплакивает горе мальчика, у которого смертельно больна мама. Однако контекст указывает на то, что не только о ней скорбит Златогривый Лев – он оплакивает грядущие судьбы всей Нарнии: *«Сын мой, сынок, – сказал Аслан, – я знаю. Горе у нас большое. Только у тебя и у меня есть горе в этой стране. <...>. Сейчас мне приходится думать о сотнях грядущих лет»* [3, с. 49], – говорит он, ласково обращаясь к герою: обладая огромной провидческой силой, Аслан не может не знать, что в своё время его страна окажется в рабстве у сил зла и сможет возродиться лишь через смерть.

Во второй из названных сказок владыка Нарнии вновь плачет *«огромными львиными слезами, каждая из которых дороже всей земли, даже если бы та стала одним огромным алмазом»* [Там же, с. 370], – на этот раз во время похорон короля Каспиана. Так Христос оплакивает смерть Лазаря (*«Иисус, когда увидел ее плачущую и пришедших с нею Иудеев плачущих, Сам восскорбел духом и возмущился и сказал: где вы положили его? Говорят Ему: Господи! пойди и посмотри. Иисус прослезился. Тогда Иудеи говорили: смотри, как Он любил его»*) [7, с. 341] – оплакивает как человек. В то же время, будучи Богом, Спаситель воскрешает Своего друга, повелевая ему выйти из могилы – подобным образом и Аслан, давая понять, что ему вовсе не чужды и не безразличны страдания его созданий, тут же переходит к активному действию: Лев возвращает к жизни и умершего Каспиана, и находящуюся на пороге смерти маму Дигори: первого – каплей собственной крови (*«и показалась огромная капля крови, и упала в ручей над телом короля. Скорбная музыка смолкла, а мертвый король стал меняться. <...>; запавшие щеки округлились, морщины разгладились, глаза открылись»*), вторую – с помощью яблока, что добыл герой (*«Дигори очистил его, нарезал на кусочки и дал их ей, один за другим. Когда она все доела, она улыбнулась, и голова ее снова упала на подушки. Она впервые заснула без этих гнусных таблеток, а Дигори знал, что ни о чем она не мечтала так сильно. <...>. Через неделю уже не было сомнений, что миссис Керк выздоравливает»*) [3, с. 59].

2) В повести «Лев, Колдунья...» Аслан, подобно Спасителю на Голгофе, умирает, принося себя в жертву ради искупления вины Эдмунда, и под утро воскресает. Первыми свидетелями этого чуда становятся девочки Сьюзен и Люси Пэвензи, подобно тому, как в Евангелии первыми о восстании Христа из мёртвых узнают жёны-мироносицы.

3) В повести «Принц Каспиан» есть эпизод беседы Льва с Люси, который отсылает к некоторым заповедям Нагорной проповеди, а также к моментам призвания учеников; главный посыл этих призваний – *«Оставь всё и следуй за Мною», «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня»* [7, с. 35, 59].

4) Кроме того, в этой же повести, ближе к финалу, имеет место отсылка к евангельской истории о чуде в Канне Галилейской, когда Аслан, войдя в дом к больной женщине-нарнийке, превращает воду в её колодце в совершенно необыкновенный напиток – *«вино, яркое, как желе из красной смородины, густое, как масло, согревающее, как чай, холодное, как роса»* [4, с. 442]. Вводя этот эпизод, Льюис даёт понять, что Христос – Тот, Кто единым словом может обратить печаль в радость и повседневность – в праздник; Тот, Кто есть воплощённая Любовь и Милость.

5) В «Коне и его мальчике» Аслан является детям и животным, когда они спорят о том, можно ли считать его настоящим львом. Иегоа полагает, что этого делать нельзя: *«<...> называя его львом, хотят сказать, что он силен, как лев, или жесток, как лев, – конечно, со своими врагами. Даже в твои годы, Аравита, можно понять, как нелепо считать его настоящим львом. Более того, это непочтительно. Если бы он был львом, он был бы животным, как мы. – Иегоа засмеялся. – У него были бы четыре лапы, и хвост, и усы...»* [3, с. 167]. И тогда Аслан говорит, обращаясь к нему: *«Потрогай меня. Понюхай. Вот мои лапы, вот хвост, вот усы. Я, как и ты, – животное»* [Там же], что отсылает к эпизоду из Евангелия от Луки, когда воскресший Христос, обращаясь к испуганным и растерявшимся апостолам, разрешает им потрогать и рассмотреть Себя, дабы помочь им убедиться в том, что Он – не дух, не призрак: *«Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа. Но Он сказал им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжьте Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня»* [7, с. 293]. Ещё один похожий эпизод присутствует в повести «Лев, Колдунья и платяной шкаф», когда Аслан обращается к другим лвам, сподвигая тех на битву с Белой Колдуньей, и это трогает львов до глубины души: *«Вы слышали, что он сказал? “С нами, лвами”. Это значит с ним и со мной»* [4, с. 209]. Так владыка Нарнии подчёркивает свою единственность созданному им миру: как Христос воплощается в мире людей, став одним из них, так и Аслан, поскольку речь идёт о стране говорящих животных, показан как один из таковых [12, р. 54]. Так писатель «изящно затрагивает одну из самых дискуссионных теологических проблем» [6, с. 116], касающихся божественной и человеческой природ Христа.

6) Наконец, в повести «Покоритель Зари» дети, доплыв до Края Света, видят ягнёнка – настолько белоснежного, что чувствуют себя не в силах даже смотреть на него. Ягнёнок приглашает ребят подкрепиться чудесным образом приготовленной к их приходу пищей, в чём просматривается параллель с эпизодом явления Христа ученикам при море Тивериадском. Сравним: *«<...> на зелёной траве лежало что-то столь ослепительно белоснежное, что даже теперь, когда глаза их глядели на солнце, они поначалу заморгали. Дети подошли ближе и увидели, что это – ягнёнок. – Идите, позавтракайте, – нежно и звонко сказал он. Только тут они заметили в траве полупогасший костёр, на котором пеклась рыба»* [4, с. 588-589] и *«Когда же вышли на землю, видят разложенный огонь и на нем лежащую рыбу и хлеб. <...>. Иисус говорит им: придите, обедайте <...> берет хлеб и дает им, также и рыбу»* [7, с. 380]. Нетрудно заметить, что приглашение Аслана

к трапезе: *«Идите, позавтракайте» почти слово в слово повторяет приглашение Христа: «Придите, пообедайте»* с той лишь разницей, что в первом случае речь идёт о завтраке, во втором – об обеде, однако это не столь существенно. Зато блюдо, которое предлагают своим любимцам Иисус и Аслан – одно и то же: рыба, испечённая на огне. И далее Льюис комментирует: *«Такой вкусной рыбы им ещё никогда не приходилось есть»* [4, с. 588-589] – и читатель понимает, что в данном случае дело не только и не столько в волшебстве, сколько в том, что эта как будто бы простая и незатейливая пища предлагается героям руками Самого Бога.

Однако дети, как и апостолы, не узнают любимейшего Наставника и Друга – это удаётся им лишь несколько позднее. Ещё одна яркая параллель с явлением на Тивериадском море возникает в момент, когда Люси, узнав о том, что они с Эдмундом больше не вернутся в Нарнию, спрашивает Льва о Юстэсе: *«А Юстэс тоже сюда не вернется?»*. И слышит в ответ: *«Дочь моя, <...> нужно ли тебе это знать?»* [Там же, с. 289], что отсылает к беседе Христа с Петром, пожелавшим узнать о судьбе Иоанна: *«Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус и <...> говорит Иисусу: Господи! а он что?»* [7, с. 382]. Но Спаситель отказывается удовлетворить его любопытство: *«что тебе до того? ты иди за Мною»* [Там же]. И там, и здесь этот ответ означает, что отношения с Богом у всякой личности особенны и неповторимы, ибо каждый человек в глазах Бога «иной, чем все, создан по особой мерке, <...>. Бог отвечает каждому иначе, у Него с каждым тайна – тайна нового имени» [9], которая должна оставаться недоступной остальным.

Наконец, аллегорическое упоминание непосредственно о «мифе, созданном Богом», мы слышим в «Покорителе Зари» – в момент, когда в волшебной книге Люси читает заклинание, которое сопровождается чудесными картинками. В следующую минуту выясняется, что это даже не заклинание, а дивная история, в которой нам предстают атрибуты Страстей Христовых: чаша, меч, дерево и холм. И хотя героиня, прочитав её, оказывается не в состоянии запомнить деталей, у неё остаётся чувство, будто то был *«лучший рассказ на свете»*, и она, Люси, *«словно сама в нем жила»* [4, с. 542]. Несомненно, в данном случае Льюис имеет в виду именно Евангелие [11, р. 119], именно оно, по мысли автора, есть верный путь к тому, чтобы *«очистить и обрадовать душу»* [4, с. 542]. Показательно, что когда девочка расспрашивает о полюбившейся ей истории Аслана, он обещает, что будет рассказывать её Люси на протяжении всей жизни. Это означает, что к Евангелию надо всё время возвращаться, читать и перечитывать – не только и не столько глазами, сколько самой жизнью, строя её в соответствии с заветами Спасителя; что это есть именно путь длиною в жизнь, который требует ежедневного труда.

Таким образом, создавая фантастический мир нарнийских хроник, Льюис нередко ориентируется не только на языческие мифы разных народов, но и на миф евангельский, который в интерпретации писателя получает характеристику «мифа, созданного Богом». Именно к евангельским сюжетам отсылает целый ряд эпизодов семикижия. И как главной фигурой евангельского мифа выступает личность Иисуса Христа, так и центральный образ нарнийского цикла – именно образ Льва Аслана, который писатель наделяет множеством характерных черт, сближающих создателя Нарнии со Спасителем.

Несомненно, в льюисовских повестях, как и в евангельских притчах, «происходит своеобразный кенозис, “умаление” Откровения, его высших понятий, его духовной реальности. Так свет Истины в иносказании оказывается вдруг обозначенным и названным с помощью образа простой свечи на подсвечнике; так в притче Бог превращается во владельца виноградника, а Царство Небесное – в маленькое горчичное зерно. И при этом понятия ничуть не теряют своего подлинного значения, своего настоящего смысла» [5]. В Нарнии Творец мироздания «умалывается» до образа льва, однако от этого Он никоим образом не перестаёт быть Богом: «Здесь – тот же самый кенозис Откровения, но никак не синтез, никак не приравнивание, пусть даже и невольное, вымысла писателя к богооткровенной истине» [Там же]. Как и евангельский Христос, Великий Лев выступает носителем Высшей Правды, Мудрости и Красоты.

Список литературы

1. Кротов Я. Клайв С. Льюис // Льюис К. С. За пределами Безмолвной планеты. М.: Вече, 1993. С. 5-20.
2. Кураев А. В. Закон Божий и «Хроники Нарнии» // Льюис К. С. Хроники Нарнии. Письма детям. Статьи о Нарнии. М.: Космополис, 1991. С. 493-500.
3. Льюис К. С. Хроники Нарнии. СПб.: Космополис, 1991. 688 с.
4. Льюис К. С. Хроники Нарнии. М.: Эксмо, 2011. 848 с.
5. Малков П. Ю. Сотворение мира в мифе и сказке современности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/archiv/manuscr/malkov.shtml> (дата обращения: 18.07.2014).
6. Мамаева Н. Н. Христианство и «Хроники Нарнии» К. С. Льюиса // Известия Уральского государственного университета. 1999. № 13. С. 114-119.
7. Новый завет Господа нашего Иисуса Христа, в русском переводе. СПб.: Синодальная типография, 1892. 847 с.
8. Толкин Дж. Р. Р. О волшебных сказках // Толкин Дж. Р. Р. Чудовища и критики. М.: Хранитель, 2008. С. 196-212.
9. Уэр К. Можно ли считать К. С. Льюиса анонимным православным? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=99216> (дата обращения: 25.01.2015).
10. Cootsona Gregory S. C. S. Lewis and the Crisis of a Christian. Louisville, Kentucky: Westminster John Knox Press, 2014. 169 p.
11. Mueller Steven P. Christology in the Writings of C. S. Lewis: a Lutheran's Evaluation. Durham: University of Durham, 1997. 234 p.
12. Sammons M. A Far-off Country: A Guide to C. S. Lewis's Fantasy Fiction. Ohio: University Press of America, 2000. 392 p.

**EVANGELICAL MYTH IN THE STRUCTURE OF “THE CHRONICLES OF NARNIA” BY C. S. LEWIS:
WITH LOVE ON THE BOOK OF LOVE****Rodina Mariya Vyacheslavovna***Tambov State University named after G. R. Derzhavin
marija.marianna1987@yandex.ru*

The article is devoted to studying the evangelical myth in the structure of the fantasy cycle by C. S. Lewis “The Chronicles of Narnia” and its influence on the formation of the deeper meaning of this cycle. Comparing and analyzing evangelical stories and texts contained in “The Chronicles of Narnia” the author identifies a lot of appropriate correlations manifesting themselves, in particular, at the story level. As the key figure of the evangelical myth is the personality of Jesus Christ, so as the central image of Narnia cycle is the image of Lion Aslan, whose deeper kinship with the Saviour image manifests through typical features, which are endowed to Narnia creator and which refer to the same evangelical source.

Key words and phrases: Evangelical stories; pagan myth; Narnia cycle; miracle; Christian ideal; kenosis.

УДК 821.112.2

В статье впервые в качестве материала исследования выбрана австрийская региональная (форарльбергская) литература; рассматривается творчество современных писателей Форарльберга (А. Гайгер, К. Сурдум, Р. Шнайдер); даётся общая характеристика форарльбергской литературы на диалекте. В научный оборот вводятся ранее неизвестные литературоведческие публикации. Делается вывод о значимости литературы Форарльберга в развитии канона современной немецкоязычной словесности.

Ключевые слова и фразы: австрийская региональная литература; литература Форарльберга; литература на диалекте; литература мигрантов; транснационализация литературы; «латентное двуязычие»; А. Гайгер; К. Сурдум; Р. Шнайдер.

Смирнова Татьяна Петровна, к. филол. н., доцент*Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова
tr_smirnova@mail.ru***«ПЛОДОТВОРНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРОВИНЦИЯ»: ФОРАРЛЬБЕРГ**

Статья подготовлена в рамках образовательной стажировки автора в Австрии, г. Брегенц (Форарльберг), по стипендии Министерства образования Австрийской Республики (отделение Культура и Язык), июль-август 2014.

История европейской литературы хранит высказывание одного из первых её хронистов, Даниэля Георга Морхофа (*Daniel Georg Morhof*, 1639-1691), зафиксированное в его знаменитом труде «Учение о немецком языке и поэзии» (*Unterricht von der Teutschen Sprache und Poesie*, 1682): «*Die Bayern/Tyroler und Österreicher haben keine sonderliche Art im Poetisieren... Denn Ihre Sprache und Mundart ist unfreundlich/defßhalb die Tichterey frembde und unlieblich*» [Цит. по: 18]. / «Баварцы/тирольцы и австрийцы не имеют особой поэтической манеры... Так как язык их и диалект неприятны, поэтому поэзия чужда (им) и нелюбима» (*здесь и далее перевод мой – Т. С.*). Современный австрийский германист Й. Хольцнер (*Johann Holzner*), комментируя высказывание учёного-энциклопедиста XVII века, замечает, что суждения подобного рода вряд ли когда-то соответствовали действительности, однако верным в них остаётся одно: литературе недостаёт доброжелательного отношения критики [Ibidem].

Продолжительное время обделённым объективного критического осмысления оставалось творчество современных писателей соседнего с Тиролем и Баварией Форарльберга, самой западной и второй (после Вены) самой малой из девяти австрийских федеральных земель, приобретших в последние десятилетия репутацию «наиболее плодотворной литературной провинции» [13]. Почти «анклавную» «отграниченность» региона от современного «литературного процесса Австрии» немецкий писатель А. Айрен (*Armin Ayren*) объясняет географической удалённостью провинции, не позволяющей форарльбергским литераторам «быть по-настоящему восприимчивыми», «попасть в поле зрения» столичной Вены [Цит. по: 22, S. 225]. Литературный критик Х. Х. Ханль (*Hans Heinz Hahn*), обсуждая в 1984 году во влиятельной австрийской «Рабочей газете» (*Arbeiter-Zeitung*) дебютное выступление в Вене форарльбергских литераторов М. Хельфер, И. Пуганинг, К. Сурдум, В. Линдер, отмечает – наряду с отсутствием и «следа провинциальности» в творчестве указанных авторов – большую известность форарльбергских «talentov» в «Мюнхене» и «Цюрихе», а также объективно существующую для них сложность «добиться литературного признания в Вене», ибо – как пишет журналист – представителей венской «литературной критики» не оказалось даже «на первом выступлении» форарльбержцев «в федеральной столице» [9].

Между тем имена «нового поколения» литераторов Форарльберга С. Альфаре (*Stephan Alfare*, род. 1966), В. Блейера (*Wolfgang Bleier*, род. 1965), К. Брахарца (*Kurt Bracharz*, род. 1947), П. Кёльмайер (*Paula Köhlmeier*, 1982-2003), У. Ленгле (*Ulrike Längle*, род. 1953), В. Линдера (*Wolfgang Linder*, род. 1961), К. Мэра (*Christian Mähr*, род. 1952), И. Пуганинг (*Ingrid Puginigg*, род. 1947), М. фон Риккабона (*Max von Riccabona*, 1915-1997), К. Сурдум (*Kundeyt Şurdum*, 1937-2016), К. Фучера (*Christian Futscher*, род. 1960), В. Хермана (*Wolfgang Hermann*, род. 1961), Е. Шмидт (*Eva Schmidt*, род. 1952) знакомы литературной общественности далеко